

Анатолий Вишневский

**Выступление на семинаре
«Вызовы городского разнообразия и поиск ответа на них в эпоху масштабных
миграций»**

Мне кажется, что вопрос, поднятый Блэром Рублом: как ответить на вызовы городского разнообразия в эпоху масштабных миграций, обладает необыкновенной актуальностью. Вы, вероятно, знаете, что буквально через месяц ожидается появление на Земле семимиллиардного человека, и население мира будет продолжать расти. Причем весь этот рост сосредоточен в развивающихся странах. Так что развитые страны, где миллиард с небольшим человек, будут на протяжении всего XXI века испытывать необыкновенное миграционное давление со стороны развивающихся стран, потому что это не просто страны с быстрорастущим населением, но и страны бедные. А страны развитые и близкие к депопуляции, с почти не растущим населением – это страны богатые. Поэтому переток населения из бедных и перенаселенных стран Юга, условно говоря, в сравнительно богатые страны Севера – неизбежное явление. Все северные общества (если иметь в виду Европу, Соединенные Штаты Америки, Японию, Россию, кое-какие осколки на юге Австралии и т. д.) будут пополнять свое население за счет выходцев из других культур.

Сейчас это привлекает внимание всех, кто занимается проблемами миграции, потому что возникают сложности во взаимодействии пришлого и местного населения. Но обычно на первый план выходят вопросы этнического или религиозного разнообразия, культурного разнообразия. Они чаще всего обсуждаются через призму мультикультурализма или «плавильного котла».

Кстати, я думаю, что Ангела Меркель, как и многие наши ораторы, услышала слово «мультикультурализм» только накануне того, как она по этому поводу высказалась, потому что никакого особого мультикультурализма в Германии не было, только некоторые элементы. Но не в этом дело.

Главная линия конфликта связана с тем, что в городские страны Севера едет население из сельских стран Юга. Мировая деревня едет в мировой город. А это две совершенно разные цивилизации. Их отличает друг от друга то, на что обратил внимание Блэр, – уровень сложности. Городские общества намного более сложные, чем сельские. Они имеют принципиально иной уровень внутренней дифференциации.

Дело не в том, что у основной массы приезжих другая вера, другой язык или другая культура, а в том, что у них другая картина мира, гораздо более плоская, упрощенная. В классической традиционной картине мира нет места свободе выбора индивидуальных жизненных траекторий, в нее не вписываются такие очевидные для многих из нас вещи, как политическая демократия, свободные выборы, всеобщее равенство, включая равенство мужчины и женщины, банковский процент и т. д.

Все это совершенно не воспринимается и не находит места в той культуре, где все предписано заранее и раз и навсегда. Там нет этого множества путей. Причем повторяю: не то, что там один путь, а здесь три, а там один, а здесь – тысяча или много тысяч путей. Это совершенно новое разнообразие – свойство городских обществ.

Проблема взаимоотношений представителей городских обществ и выходцев из сельских обществ не новая, она возникла задолго до того, как появилась проблема мировых миграций. Потому что сначала урбанизация шла за счет миграции сельского населения в города своей страны. Это было в каждой европейской стране. Это было и в России. Художественная литература XIX века полна примеров тех проблем, которые возникают, когда сельский житель переезжает в город.

Может быть, кто-то еще не забыл о том, что писал Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России» о той ситуации, когда отходники из русских деревень приезжали в Питер и другие города. Он отмечал, что горожане смотрели на этих сельских жителей свысока, жаловались, что жизнь отходников в столицах

прививает им многие культурные привычки низшего разбора, склонность к роскоши и щегольству. Вы знаете, что и сегодня московские начальники постоянно повторяют, что мигранты слоняются без дела по Москве и только к криминалу и способны.

«Все деревенские жители, – писал Ленин, – называются серыми, и, что странно, нисколько не обижаются на это название и сами называют себя таковыми...»

А вот свидетельство историка, которое относится ко второй половине XIX века: «Сельские мигранты в городе и крестьяне сопротивлялись проникновению светской буржуазной культуры в свою среду. Благодаря институту землячества, тесным связям отходников с родной деревней, крестьянству, занимавшемуся отходничеством, удавалось в значительной мере сохранять традиционный крестьянский менталитет не только в деревне, но и в условиях города. В обществе земляков, в котором новичок, прибывший в город, и на работе, и на досуге постоянно находился среди своих, и в городском окружении сохранялись привычные крестьянину социальные нормы поведения» (Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.). Т. 1. СПб., 1999. С. 337).

Это все то, в чем сейчас упрекают сегодняшних мигрантов (что они живут обособленно и т. д.). То есть это ситуация, воспроизводящаяся многократно во всех странах. Ничего нового здесь нет, за исключением того, что теперь она усложняется за счет особенностей тех, кто приезжает. В прошлом все-таки приезжали русские крестьяне в русские города. По крайней мере, не было языковой проблемы. Хотя говорили крестьяне и горожане немножко по-разному и не всегда понимали друг друга. Но все-таки это был один язык. А сейчас еще накладываются языковые и религиозные различия. Это усложняет проблему, но не видоизменяет ее качественно.

Вопрос заключается в том, можно ли в принципе преодолеть барьер, который отделяет пришлое население от местного? И если да, то как это сделать? Мой ответ на первый вопрос, безусловно, утвердительный. Я думаю, что подавляющее

большинство сидящих здесь людей как раз и есть потомки тех самых «серых», которые уже давно забыли об этом. На каждое новое поколение пришло население в городе смотрят как на «серых». Это уж такая городская спесь, она нам всем свойственна.

Во всяком случае, понятно, что если в Москве до революции жил 1 млн человек, а сейчас больше 10 млн, и к тому же многих из тех, кто жил тогда, перебили в разных исторических переделках, то все население обновилось за счет деревни.

Точно так же может быть переварено и большое количество мигрантов, и барьер этот может исчезнуть. Другое дело как этого достичь? От чего зависит способность общества преодолевать этот барьер? Здесь приводились интересные примеры из истории Нью-Йорка, Чикаго и Монреаля. Но все-таки надо сказать, что проблема эта непростая, и ее решение зависит от способности общества адаптировать, ассимилировать, интегрировать, как хотите называйте, пришлое население. Она у разных обществ разная.

Мы с Блэром недавно были на Ярославском политическом форуме, и там меня приятно удивило выступление нашего президента. Очень четкая формулировка проблемы разнообразия. Я прочитаю ее: «Структура общества радикально усложняется. Если раньше экономическая и культурная многоукладность считалась особенностью нескольких десятков мегаполисов, то в наши дни она проникает повсюду. Даже в небольшие города и в местности, удаленные от основных центров глобализации. Социальное многообразие стало решающим фактором развития личности, группы, этноса, стало влиять на развитие демократического государства».

Интересно, что упоминается даже «развитие личности». Это то, о чем обычно не говорится. «Социальное многообразие» – это многообразие личности, индивидуальных путей. «Оно учит всех нас сосуществовать, сотрудничать с теми, кто на нас не похож, уважать и стараться понять тех, кто думает и поступает не так,

как поступаем мы». По крайней мере на уровне декларации все сказано абсолютно верно.

Понятие «многообразия» относится не только к обществу, он взято из общей теории систем. В этой теории существует закон необходимого разнообразия. Управляющая система должна обладать сложностью не меньшей, чем управляемая. То есть если общество сложное, то те, кто им управляет, механизмы управления должны быть не менее сложными.

Является ли наше принимающее общество достаточно сложным для того, чтобы «переваривать» пришлое население, есть ли у нас соответствующие механизмы и институты? Этот вопрос, мне кажется, остается открытым. Дело в том, что Россия – это молодое городское общество, ставшее таковым недавно, в период бурной индустриализации середины XX века.

Это еще первый срез урбанизации. Количество людей, родившихся в городах, перевалило через половину только в 80-е годы. То есть мы как общество – горожане в лучшем случае во втором поколении. У нас нет того слоя, который есть, допустим, у жителей Нью-Йорка, потому что там речь идет о нескольких поколениях горожан. Притом слой этот формировался за счет выходцев из Европы, которые еще тогда были оторваны самим актом миграции от сельского общества, даже если и были выходцами из сельской части европейских обществ. У нас же нет того «гумуса», который Блэр называет капиталом разнообразия. Мы это видим по механизмам управления нашей страной.

Например, у них одним из элементов разнообразия управляющей системы является многопартийность. Благодаря этому система становится способной управлять многообразием общества. А у нас с многопартийностью, скажем, не очень хорошо получается. Это касается и многих других механизмов. То есть мы еще недостаточно сложны как общество. Поэтому освоение или бесконфликтный прием большого количества мигрантов представляет существенную трудность. Скажем, очень часто у нас возмущаются: почему они здесь танцуют лезгинку? А

почему нет?! Это же хорошо. Это как раз проявление разнообразия. Нет, пусть все танцуют «барыню».

Я помню, что в советское время (многим дорогое) еще в детском саду нам шили специальные черкески с газырями. И мы танцевали лезгинку, чтобы демонстрировать дружбу народов. А сейчас это все забыто, и лезгинку уже нельзя танцевать. Но за этим стоит и часто даже поддерживается и прессой, и политиками стремление, чтобы все были одинаковыми. Несмотря на то, что мы спокойно едим шашлык и плов, слушаем джаз, и это нас не смущает, вновь прибывшие должны быть точно такими, как мы.

Это как раз непонимание ценности многообразия. Многообразие делает систему сложной, а сложная система более эффективна.

О проблемах мультикультурализма и интеграционных моделях. Блэр упомянул Вавилонскую башню. Мне кажется, это единственный случай в истории или почти единственный, когда мультикультурализм был реализован в полной мере, поэтому башня осталась недостроенной.

А во всех остальных случаях есть элементы мультикультурализма, их больше или меньше. Но вообще мультикультурализм – это некая крайность, полюс какого-то континуума, на другом конце которого находится *melting pot* – концепция «плавильного котла», которая тоже нигде не была реализована в полной мере. Хотя крайности все-таки встречались. Я всегда привожу пример социалистической Болгарии, где дошло до того, что людей заставляли менять турецкие имена на болгарские, чтобы все были одинаковые. Это идея «плавильного котла», доведенная до абсурда.

Реальность находится где-то посередине. В любой аудиоаппаратуре существует регулятор громкости звука, и мы можем двигать рычажок, делая звук громче или тише. Подобное движение происходит в каждой стране. Сочетание мультикультурализма и «плавильного котла» должно происходить с учетом всех факторов. И так только и бывает. Это сочетание может быть удачным или неудачным, но почти нигде не реализуются крайности.

Поэтому нам нужно как раз искать соответствующее нашим условиям положение своеобразного рычажка на этом континууме между мультикультурализмом и «плавильным котлом».

Здесь, мне кажется, главным является следующее. Конечно, нужна продуманная интеграционная политика по отношению к мигрантам. Все-таки приходится учитывать возможности России как городского общества. Мы же знаем, что конфликты возникают прежде всего в Москве, Питере, в самых наших главных городских центрах. Значит, и там что-то еще не совсем так.

Но в то же время возникает вопрос о том, как понимать диаспору. Понимать ли диаспору как некое место, где собираются пришлые люди из разных стран, представители разных народов и замыкаются в своеобразное гетто. То есть должна ли диаспора становиться барьером для объединения пришлое и местного населения, или она должна играть роль шлюза, который облегчает адаптацию на первых порах. Потому что понятно, что человек приезжает со своим языком и традициями. Ему легче среди соплеменников, людей, которые его понимают. Но если диаспора открыта к тому, чтобы люди интегрировались в общество, тогда она превращается в шлюз. Чтобы человек не заболел кессонной болезнью в первый момент. Должна произойти перестройка иерархии идентичностей. Потому что каждый человек имеет множественную идентичность. Он может быть гражданином страны, представителем какой-то религии, носителем какого-то языка, культуры и т. д.

Но что выходит на первый план? Допустим, как было в советское время и что, наверное, нормально для любого государства, главное все-таки то, что ты гражданин страны. Иначе как ты можешь в ней жить, ее защищать в случае чего и т. д. Но это не исключает, что на втором, третьем и последующих местах стоят другие элементы твоей собственной идентичности, и ты можешь при этом оставаться православным или мусульманином, иметь свой родной язык.

Свое выступление я закончу словами Нобелевского лауреата Амартии Сена, который говорил, что мультикультурализм, в том виде, в каком он сейчас

существует, – на самом деле не мультикультурализм, а множественный монокультурализм. Когда рядом существуют непересекающиеся культурные сообщества – это не мультикультурализм. Мультикультурализм – это когда происходит взаимное обогащение, когда обе стороны идут навстречу друг другу и когда принимающая сторона заимствует у прибывающих какие-то элементы культуры и т. д. И выработывается общий культурный коктейль, в котором люди продолжают жить. Культура все время меняется. Русская культура сегодня не та, какой она была в начале XX века. И она будет продолжать обогащаться за счет элементов других культур.